

Лоуренс Скотт

The Four-Dimensional Human

Перевод Жанны Перковской

Хижина в лесу

Допустим, я засну – и что же дальше? Что снится человеку, живущему в четырех измерениях? Ведь теперь мы и спим в цифровом режиме. По последним научным данным, гормоны сна выгорают от всевозможных подсветок. В результате мы, наверное, уже не так хорошо высыпаемся и встаем, нисколько не отдохнув. Наши телефоны мирно почивают на прикроватных тумбочках: экраны темны, но их излучение все еще клубится у нас под сомкнутыми веками – так считают ученые. Во мраке ночи мы принимаем решение: раздобыть допотопный будильник, а смартфоны-айфоны выдворить из спальни. Долой их, вон! Но ведь обычного аппарата, который долгие годы красовался на полочке в прихожей, у нас больше нет. А ну как вздумают нам позвонить – прямо сейчас, в полночь? Не ответить на такой звонок нельзя. И наш мобильник остается на прежнем месте, кто ж его тронет.

Ох уж эта наука. Где ее только нет, однако большинство из нас, как правило, прислушивается к ее изысканиям вполуха: мы подбираем их трепещущие обрывки с мостовой, ловим их клочки в порывах ветра. В большинстве своем мы не любители тратить время на прорубание пути к истине. Да, суть мы схватываем, и суть эта нехороша. Мало того, что наши дисплеи тормозят нам выработку мелатонина, подобно тому, как дальний свет фар на скаку парализует оленя, – так ещё и восприятие информации с экрана, похоже, не столь уж линейно. Это пока под вопросом, но о том, что горящие буквы, обходя разум, внедряются прямо в подкорку, мы слышим все чаще. Нас волнует, насколько мы в состоянии сосредоточиться, что-то усвоить, запомнить. Понятное дело, мы подключаем

сидящего в нас следопыта и выдаем на-гора массу – уж если не истин, то хотя бы – догадок. Мать моего друга увещевала его не носить телефон в кармане брюк: «Он тебе облучает яички». Нет ни одной части тела, ни одной функции организма, которой бы ничто не угрожало. А вот исследования о том, какие блага сулит нашему здоровью содержание домашних питомцев, что ни год, прямо-таки источают хорошие вести.

Страшилки о вредности гаджетов – фишка далеко не новая. В 1991 году, на Рождество, моя тетя (а было ей тогда изрядно за пятьдесят), поддавшись на мои уговоры, пристроила в подоле полученную в подарок электронную игру «Саймон» и осваивала ее, с явной неохотой давя на четыре цветные клавиши, которые вспыхивали по мере их нажатия. Помнится, этот «Саймон» снисходительно мигал и вяло попискивал в тягучей полудреме наипростейшего уровня. Когда же он, наконец, одержал победу, тетя вернула мне похожий на крохотную летающую тарелку выпуклый диск и отрянула полы халата. «Говорят, от всех этих электронных штукотин заводится рак», – заметила она. Так же, как многим, кто родился в пятидесятые и позже, мне в детстве наказывали сидеть подальше от телевизора. Но даже если фишка и стара, то теперь ее подпитывает наша новообретенная привычка обласкивать свой гаджет с самого пробуждения и до того момента, как мы ставим его на зарядку и тушим свет. «Саймон», надо отдать ему должное, знал свое место. Я же теперь беру телевизор в кровать, и он покоится у меня на животе, согревая его ласковым теплом. Поза не самая удобная, однако мыслями о том, как воспримут все это мои органы, расположенные под источником тепла, а также о том, что в них копится еженощно и во что это выльется, я не заморачиваюсь.

Изыскания, увы, вредностью гаджетов не ограничиваются. Вот и следующая сага о цифровом прогрессе: оказывается, ему сопутствуют эмоциональная лабильность, подавленность и зависимость. Наука постоянно выявляет, каким еще новым способом средства массовой коммуникации ввергают нас в уныние, хотя трудно сказать, чего тут больше, – то ли они и впрямь делают людей несчастными, то ли, наоборот, дарят им счастье. Как бы там ни было, это расхожее подозрение

способно и подкосить – точно так же, как если бы нам то и дело напоминали, что мы выглядим уставшими. По моим наблюдениям, нарекания такого рода небезосновательны: когда общение превращается в сеанс групповой терапии «фейсбукострадальцев», дальше плыть некуда. На протяжении учебного года мои студенты нет-нет, да и признавались мне в так называемых «сетевых запоях»: всегда готовые слопать что угодно из он-лайн кормушки, они стали – и это их слова – всеядными обжорами. Неудивительно, что в противовес всему этому нам является дух Великого поста. Зависание в интернете (в частности, на его социал-коммуникационном фланге) теперь стало основной формой пренебрежения «черным списком» удовольствий того или иного сезона. Красноречивым подтверждением нашей заикленности может служить и ресторанный телефонный куча: сотрапезники складывают телефоны посреди стола, и первый, кто схватит свой аппарат во время обеда, платит за всех.

Но откуда же берется чувство, что сеть – зараза, и почему оно идет бок о бок с нашими онлайн-восторгами и радостями? Социальные сети в действии – это ощущение каждодневного праздника и всеобщей дружбы, столь точно имитирующей реальную близость, что мало кому удастся осознать, чего все это стоит на самом деле. Средства массовой коммуникации, по своей сути, – явление весьма щекотливого свойства. Они встают в один ряд с веществами, вызывающими зависимость, и эту тягу приходится обуздывать, преодолевать: кому из нас не встречался человек, время от времени пытающийся «бросить» фейсбук? По одной из версий происхождения этой мании, глянец, который люди наводят на свой виртуальный облик, сеет в среде тех, кто читает чужие посты, эпидемию комплексов неполноценности, равно как и постепенное стирание памяти о собственных достоинствах. А если учесть, где и когда мы шаримся по сетям – маясь бессонницей или добираясь на работу в битком набитом автобусе, окна которого запотели от спертого дыхания настолько, что вырваться на волю немислимо, – пропасть сия разрастается и подавно. Если верить этой гипотезе, человек, входя в социальную сеть, вступает в поединок со своими друзьями-везунчиками, жизненные успехи и остроумие которых разят его наповал.

Показушная, ненавистная фраза «Ты взорвал интернет», восхваляющая образцовую модель сетевого поведения, – не более чем утешительный приз в этой негласной конкуренции.

Теория комплексов неполноценности слишком проста для того, чтобы объяснить все, что тут происходит; к тому же в обществе прочно укоренилось мнение, что наши отношения с цифровыми технологиями следует рассматривать как некую неизбывную проблему, ведь мы в то же время вполне справедливо восхищаемся тем, как они упрощают и скрашивают нам жизнь. У человека, попавшего в четвертое измерение, порой просто дух захватывает. И тут есть два варианта. В первом из них мы, ликуя, пускаемся в виртуальный тур, чтобы поведать единокровного брата и его детишек, проживающих на другом континенте, посидеть минут пять в сети и от души посмеяться, а затем снова юркнуть в свой панцирь. Второй вариант, сбивающий нам дыхание, отнюдь не весел: мы внезапно осознаем, что у такой свободы есть обратная сторона, и сетевая жизнь – это, скорее, клетка, а вовсе даже не ковер-самолет. Бесконечные сетования на то, что прогресс в области электронных коммуникаций омрачен их пагубностью и способствует развитию депрессий, плюс ощущение того, что это все же прогресс и никуда от него не денешься, ведут к тотальной клаустрофобии. Атмосфера четвертого измерения удушлива. Сеть воспринимается как место заточения: не зря выражение «интернет-серфинг» ныне звучит гораздо реже, чем в старые добрые времена. Теперь мы уже не скользим по волнам – мы просто сидим, как пришитые, «на связи». Нам постоянно твердят о том, что сетевые пристрастия предположительно или даже наверняка ведут к осквернению души и тела, и когда жизнь пробует нас на излом, мы осознаем свое необратимое погружение в пучины сети как несвободу. И тогда «четырёхмерный» человек, наконец-то сморенный сном, грезит о бегстве.

Клаустрофобия накатывает на нас сразу, как только мы сталкиваемся с препятствием, что для онлайн-жизни не редкость. В большинстве случаев сетевая тоска обурекает нас, когда мы чувствуем себя по другую сторону запертой двери. Мы можем часами тереть ручку. Иногда жажда движения,

облеченная в почти абстрактную форму движения ради себя самого, приводит к приступам помешательства. Случалось ли вам, прокручивая список ваших любимых веб-ресурсов, выбрать некий портал (а вы уже уселись поудобнее и мысленно потираете руки в предвкушении удовольствия) и вдруг осознать, что он уже открыт? Цель оборачивается стартом: вебсайт беспомощно вздрагивает и, тиражируя сам себя, как бы вопрошает: ну, чего ты от меня хочешь? куда тебе еще надо?

Ироничный, беспощадный финал фильма «Социальная сеть», снятого по сценарию Аарона Соркина и повествующего о зарождении социальной сети «Facebook», – классический пример суженного сетевого сознания. «Киношный» Марк Цукерберг сидит в опустевшем зале заседаний. Он несметно богат, но одинок. На его лице – усталость и страх, он маниакально раз за разом нажимает на «обновить», проверяя, добавила ли его в друзья девушка, которой он всего пару секунд назад отправил запрос. Этим круг как бы замыкается, ведь она отвергла его еще в самом начале фильма. И все же финал оставлен открытым – здесь нет романтической развязки, есть только удушье от затянутой петли, которую герой сам же и изобрел, и сам же в нее попался. Беспрониимый поворот «мальчику удастся заполучить девочку обратно» постоянно откладывается, и каждое нажатие возвращает героя на исходные позиции. Не обязательно страдать от безответного чувства, чтобы изведать этот испепеляющий вид обновления (но оно тому способствует).

Вариантов «петли Цукерберга», или, как ее сокращенно именуют в веблоге, «Gloop», не счесть. Можно, скажем, нарезать круги около чьей-нибудь цепочки постов. Ну, а если брать по нарастанию развлекательности, то: рабочая почта, личный мейл, социальные сети – это и есть классический «глуп», равно как и просмотр повторяющихся новостных блоков или спортивных таблиц. Именно наша неспособность удержаться от заведомо бессмысленных действий и питает аргумент о том, что пребывание в сети чревато зависимостью. Нас словно подсадили на грезы о чистой свободе, замаячившей перед нами на заре интернета, и теперь, расплосованная на всех, она затягивает нас в провалы,

зияющие меж загружаемых страниц. Мы ныряем в них – и в бесплотном свободном падении нам мерещится потенциал безграничных возможностей: еще чуть-чуть – и ты возьмешь судьбу за жабры. Скорость интернета растет, и уже не так очевидно, сколь сильно мы завязаны на этом микроинтервале, мгновении шального шанса, во всем напоминающем тот самый, мнимый нырок в преддверие сна. Служащий мне верой и правдой, изъеденный вирусами, мой компьютер ужасно тормозит, но тем нагляднее в его неспешных переключениях предстает неотвратимый финал чередующихся томлений и надежд: Венерина мухоловка в плавном ритме замедленной съемки смыкает свои лепестки. Так вот чем вызвана «цифровая» клаустрофобия: крахом тысяч поползновений вырваться из тенет.

Как мне представляется, эти «провалы» таят в себе обманную идиллию. Нам кажется, что именно тут нашему взору вдруг откроется долинная гладь, по которой на всех парах полетит экспресс, однако такое ощущение возможно лишь как серия всплесков, каждый из которых подобен жадной табачной затяжке. Это пунктир из дюймовых отрезков. Здесь сходятся крайние точки спектра, образуя петлю-парадокс: так же, как и курение, это релаксация, от которой сердце вот-вот выскочит из груди. Лишь поймавшись в безвоздушный контур веб-сайтов и вновь оказавшись в точке отсчета, где все остается, как было, – ни весточек из внешнего мира, ни сдвигов к лучшему, – мы постигаем суть малого казуса из области неврологии: движение, не ведущее никуда, – это всего лишь конвульсии.